

О ЖИВОМ И МЕРТВОМ В ИСКУССТВЕ

Заметки художника

Многочисленная Москва — улицы, станции, большие заводы, новые кварталы старых окраин, краны новостроек, белье на ветру, голубое от чистоты и мороза, заснеженные деревья, подмосковные шоссе, уходящие в глубь страны, — по этим дорогам шла в дни войны техника на фронт, сейчас идут грузовики больших строительных, весной пойдут машины к теплому морю.

Все эти картины жизни и чувства жизни существуют в сознании человека сложным багажом воспоминаний, иногда ясных до иллюзии, иногда ускользающих, как сон. И каждый день проходит через человека якобы обыкновенная, но на самом деле драгоценнейшая сущность жизни. Художник навсегда закрепляет душу этих явлений, он как бы тонкий, сверхчувствительный приемник всех сложных состояний жизни и их выразитель.

На Западе нередко реализм в искусстве отталкивают как некую завершенную формуляцию в XIX век и в качестве современного искусства хотят утвердить или абстракцию или примитивизм. Это глубокая ошибка. Реализм в своем высоком и чистом понимании имеет безграничные возможности и безграничное развитие, он не нуждается даже ни в каких приставках «нео», так как реализм — понятие формы, а понятие подлинной сути жизни и изображения жизни, и, если внутри него не находится больших мыслей и нового чувства, он не реализм. А новая форма будет появляться в нем по мере выражения этих мыслей и чувств.

Мне кажется, что в изобразительном искусстве сложные состояния жизни и изображающая их настоящая сложная и богатая форма современнее схемы, современнее ограниченного декоративизма. Конечно, и образный декоративизм, и образная лаконичность вполне правомочны в искусстве, но и сложные, «шопеновские», очень тонкие интонации должны развиваться в полной мере.

Современная передовая культура — это зрелое и глубокое понятие, это не сухая взрослость канцеляриста, не сиюсекундная инфантильность взрослого недоумка, который потерял детскую непосредственность и не приобрел зрелости. Взрослость современной культуры — это взрослость Человека с большой буквы, человека, который очень глубоко и чутко воспринимает и понимает мир.

Абстракционисты, чувствуя явную перспективность своего дальнейшего развития, часто вспрыскивают в свои вещи якобы человеческое содержание, давая им человеческие названия. Но от этого их беспомощность делается еще более явной.

Прошлой весной я был в Индии. В Дели в Доме искусств у нас был разговор с художниками, и один модный там абстракционист долго убеждал меня в глубоком содержании своего искусства. Он говорил, что серий пятен и линий он хочет передать, например, большую любовь к своему сыну, свое восхищение прелестью ребенка. Он говорил об этом долго, по-английски, затем переводчик переводил мне на русский. Я сказал ему, что если язык пятен передает прямое чувство, то зачем же при объяснении прибегать для передачи его же к человеческим словам, а не попробовать передать это прямо простыми абстрактными звуками, без всякого перевода... А получается так: где нужно объяснить что-то по-настоящему, приходится возвращаться к настоящему человеческим словам.

Разговор этот происходил вечером, — за окнами в сумеречном мареве шли толпы людей в светлых одеждах, многие с тяжелой ношей на голове, разворачивались на площади старые, запыленные автобусы и длинные современные машины — над городом повис южный и пряный запах. Это было так интересно и так наполненно, что все эти разговоры о пятнах казались жалкими и досадными.

И тут я с большой благодарностью вспомнил индийские вещи Семена Чуйкова, художника, который не боится идти по трудному пути образного искусства и в своих лучших вещах добивается высокого результата. Его индийские вещи сделаны очень верно, глубоко, с душевной нежностью к народу.

Никакая абстракция по-настоящему не может выступать против подлинного реализма — у нее для этого слишком легкий вес. Недавно нашим доморощенным абстракционистам сильно досталось.

Справедлива и умна эта критика в адрес скучных ремесленников от модной конъюнктуры.

Ремесленные стандарты любого толка противопоставлены искусству. Также в нашем живом деле нетерпимы и другие ремесленники — ремесленники с ретушерскими инструментами и аккуратной баночкой розового лака.

Реализм — прежде всего чувство нового, а реализм социалистический — в

особенности. И на старое художник-реалист смотрит новыми глазами, глазами своего времени. Почему часто стараются выдать за реализм бесстрастное и сухое копирование действительности, бесполой и вялый натурализм? Ведь это голько дезориентирует людей, приучает их к плохому, мещанскому вкусу, — и не голько в искусстве, но и в жизни.

Портреты Крамского и жанры Дега — это реализм, реализм — искусство Сурикова и Валентина Серова, а вот салонные работы Константина Маковского, Кабанеля и Бугро — это мещанство, и реального там нет ничего.

Надо учиться по истории искусств разбираться в подлинном, это помогает и в оценках сегодняшнего дня. Например, я на днях внимательно посмотрел замечательные скульптурные портреты работы С. Лебедевой — это очень высокий современный реализм. И картины Б. Иогансона, рисунки П. Митурича и Н. Купреянова, живописи А. Бубнова, душевные вещи Д. Мочальского и Д. Дубинского, пейзажи В. Стожарова, шаржи Ф. Решетникова, рисунки об Америке В. Горяева и О. Верейского, «Материнство» Е. Зеленского, «Дыхание весны» Б. Неменского и многие другие работы, — в советском искусстве очень много примеров подлинной традиции настоящего реализма.

Большая разница есть между традицией и традиционностью: традицией настоящий художник пользуется с позиций своего общества и своего времени, принимая ее как живую беседу, как отправную точку к движению и развитию. Традиционность же держит художника в изданном привычном и поэтому неверном для новых чувств, для нового времени.

Можно уважать таких традиционных художников, если они искренне убеждены в верности своего дела. Но надо и жалеть их, так как они, увлеченные только музейным техницизмом, слепы и глухи к красоте и богатству своего времени. Изображаемый ими мир похож только на полубившееся им музейное прошлое.

Репин и передвижники были не музейными и не традиционными художниками, а в жизни, да и в музеи тоже, пришли как подлинные новаторы и революционеры. Потому-то Третьяковская галерея и велика, что она состоит из вещей замечательных и не похожих друг на друга, всегда новых и по отношению к прошлому. Они, конечно, похожи глубинно отношений к миру, но отблеск своего времени делает это искусство оригинальным и непохожим.

Это-то и есть живое искусство реализма, и оно же становится классикой.

Другое же, имитирующее искусство называется эклектикой.

* * *

В памяти живет большое и малое.

Я прекрасно помню тот подъем, который выпал на нашу молодость в первые годы пятилеток, — среди разрытой земли, строительных лесов и горячих стихов Маяковского.

Я очень хорошо помню и пронизывающий холод военной московской квартиры. Я помню и проливной дождь на старой улице Ордынке, и бесконечные толпы людей под зонтиками, и танки, выходящие с Красной площади в день Парада Победы, и слезы на лицах, смешанные с дождем. И солнечные летние дни, брызги воды от вбегающих в реку детей, голубые тени в лыжных следах среди заваленных снегом деревьев и опять бесконечно растущие кварталы сегодняшних городов, куда переезжают или уже переехали люди, где на балконах выставлены новгородские елки, а за форточками висят сумки с вкусными вещами... Мне странно, и скучно, и даже неловко смотреть на то, как кто-то старается вместо живого искусства, передающего огромное многообразие мира, подsunуть людям грязные пятна или канцелярскую ретушь. Мне не хочется на это смотреть, и жалко художников, которые тратят на мертвую чепуху драгоценное человеческое время и чудесные человеческие чувства, — если такие у них есть. Люди переживают жизнь глубоко, и им не нужны холодная абстракция и холодная эклектика.

Художник должен быть постоянно внимательным и тонким наблюдателем жизни. У него не все сразу пойдет в дело, но он должен постоянно быть готовым увидеть главное. Это большое напряжение и большой труд. Хемингуэй написал в письме к молодому писателю: «Только дураки считают, что у нас легкое ремесло». Работа художника — дело нелегкое. И художник всегда страдает оттого, что между ним и его работой стоит яркий образ мира, силу которого

передать почти не удастся. Но он надеется, всегда надеется, что хотя бы малая часть того, чем он взволнован, дойдет до зрителя и толкнет его к дальнейшему открытию мира.

В настоящее искусство все приходит из жизни, глубоко переживается художником и в случае удачи остается поэтическим памятником времени. Из русской деревни пришли в искусство крестьянки Венецианова, бабы Архипова и картины Платова, полные свежести природы и запаха молока. С парижских улиц перешли на холст лувковские девочки Ренуара и усталая продавщица Мане. Из жизни же пришли в наше искусство портреты Нестерова, став прекрасной галереей советской интеллигенции.

Просто из семьи Наташа и Миша Кончаловские в искусстве отца стали и живописью и обаятельными русскими образами. Откуда-то из Подмоскovie привез С. Герасимов свои прекрасные пейзажи. Г. Нисский — яхты и шоссе. А. Дейнека — своих сухоногих и очень современных бегунов.

Жизнь — превосходная среда для искусства: мне даже легче писать статью, когда я слышу, как за стеной жена сына гладит белье и поет, а за окнами лежат молодые кварталы родного города.

Мы должны быть очень внимательны к молодежи, к молодым художникам и должны радоваться, что у нас сейчас такая горячая и неравнодушная молодежь.

Но процесс формирования художника — процесс глубокий, и он должен начинаться с первых курсов художественных школ. Нельзя скучно учить! Нельзя с первого курса учить одному ремеслу — в молодом студенте надо развивать художника в первую очередь, художника сложного, умного, современного. Тогда он и ремесло будет учить сознательно и охотно, ведь оно будет необходимо для решения творческих задач.

У нас много хороших молодых художников: Т. Салахов, А. и С. Ткачевы, Е. Грибов, Г. Ханджян, И. Голицын, Г. Епишин, А. и П. Смолины, Г. Захаров и многие другие — это уже зрелые, но еще молодые, они поднимаются от вещи к вещи, очень по-разному, но с очень глубокими внутренними связями. Интересно смотреть, как не просто и не легко работает Г. Коржев. Вещи у него бывают разной удачи, но художник он настоящий, и на нем отчетливо, но не криливо лежит этот особый отсвет времени. И из Павла Никонова, мне кажется, должен развиваться настоящий, живой художник, — последняя вещь у него неудавшаяся, по-моему, это его ошибка, — но до нее он работал от жизни к искусству, серьезно и неравнодушно.

Молодые художники хотят делать новые вещи — это право и потребность всех художников, и не только молодых. Но это — дело трудное, так как сделать по-настоящему новую вещь, новую по существу, по чувству, — много труднее, чем даже хорошо повторить уже известный образец.

Я бы сказал, что сейчас, при огромном разнообразии форм, стиль современного искусства заключается в особом характере его души, в особом новом внутреннем смысле. И именно это и является началом нового большого стиля, а не какие-нибудь внешние его признаки. Я имею в виду то искусство в большом мировом плане, которое мы называем прогрессивным, то есть подлинно живым.

Мы сами еще не всегда представляем себе тот большой поворот в искусстве, который совершил метод социалистического реализма — он поставил перед искусством задачи совсем нового смысла и крупного качества.

Нашему искусству предстоит большая работа — в ней нужны многие манеры и многие душевные интонации.

Сейчас идет широкое движение нового советского искусства: и в станковых формах, и в прикладных, и в декорации, и в плакате. Когда плывет большая лодка, длинные полосы тины, целляющиеся с правого и левого борта, соединяются за кормой и остаются позади. Так же ремесленники всех мастей остаются позади искусства, как бы они ни стремились вперед.

В народе существует огромный интерес к искусству, — об этом не могут и мечтать пустые залы западных художественных выставок.

И художники хотят давать народу не сенсации вокруг искусства, а искусство — современное, умное и горячее.

Ю. ПИМЕНОВ.